

ПРОЛОГ

Юпитер сегодня гудел, как сломанная микроволновка в столовке на второй взлётке. Уровень радиации, конечно, был в тысячу миллионов раз выше. Я прям чувствовал, как яростно электроны и протоны колотят в броню «пчелы». Над правым бортом, от носового ракетного пилона и до кормового двигателя, по ячеистому титану то и дело пробегали разноцветные эльмики.

Краем глаза я видел, что индикатор остаётся в зелёной зоне. И всё-таки сегодня вахту хотелось завершить побыстрее.

— Боря, сколько набираем к концу зоны? — спросил я.

Говорить с альтером вслух — это дурной тон и по-дитячи, знаю. Но на патрулировании все пилоты общаются с альтерами голосом. И пусть голос пишется, а в любой момент скучающий диспетчер может включить прямую прослушку. Когда ты летишь над Юпитером, зажатый в пятидесяти тоннах металла и плазмы, лавируя в магнитосфере, чтобы не словить смертельную дозу радиации, на это плевать.

Куда важнее не сойти с ума.

«Чего именно набираем, Святослав?» — вопросом ответил альтер.

Боря — он натуральный bore*. Такой уж вырос, потому такое имя и получил.

Или наоборот? Стал занудой, потому что я назвал его Боря?

Не могу понять, что случилось раньше.

— Сколько радиации набираем, Боря? — терпеливо повторил я.

Спорить с собой — дело нормальное, а вот обижаться на себя — смешно.

«В пределах допустимой нормы».

— Сколько в числах?

«Три миллизиверта».

— Терпимо, — неискренне согласился я.

Потянулся к соску, отхлебнул воды. Мне показалось, что щелочной привкус усилился — значит, корабельный искин тоже озабочен дозой.

Я повёл плечом, наклоняя «пчелу» на левый борт. Юпитер — гигантский, бушующий, чудовищный и прекрасный — послушно завис над головой. Коричневое, бежевое, белое, оранжевое; завитки ураганов, в которых утонула бы Земля, воронки смерчей, которые подняли бы Луну, чёрные и белые пятна циклонов и антициклонов.

Юпитер очень, очень красивый!

И очень смертоносный.

— Боря, тебе нравится смотреть на Юп? — спросил я.

«Это сложный вопрос, Славик. Будто смотришь на смерть. Нравится ли мне смотреть на смерть? Пока она далеко — да. Жутко и волшебно. Но с Юпитером одна беда — он никогда не бывает достаточно далеко».

Боря всегда такой обстоятельный. По-моему, это не просто занудство, а какой-то внутренний протест.

* Скучный человек, зануда (англ.).

— А мне нравится, — сказал я. Тоже из чувства протеста. И, чтобы усугубить, добавил то, что никогда не говорят в патруле: — Когда вернусь, первым делом...

Я даже закончить не успел: запищал датчик присутствия. Не страшно запищал, скорей радостно: «Пи-пи, пи-пи-пи, пи-пи, пи-пи-пи».

На месте Бори я бы обязательно высказался по поводу запретной темы. Никто, никогда, ни за что не говорит о возвращении, когда находится в патруле над Юпом!

Но альтер молчал. И в этом молчании было куда больше укоризны, чем в любых словах.

— Это ангел, — сказал я, потянувшись и поставив «пчелу» кормой к Юпитеру. — Просто ангел, понятно тебе?

Конечно, менять положение истребителя нет нужды. Экраны выведут изображение куда угодно. Но на ангелов, как и на Юпитер, куда интереснее смотреть человеческим взглядом. Почему-то кажется, что ты видишь больше, чем в любом, самом расширенном диапазоне. А стабилизированный ячеистый титан оптически прозрачен лишь в верхней полусфере кабины.

Искин уже просыпался, прогонял по цепям тесты, выходил на связь с другими «пчёлами», накладывал на колпак кабины цветные линии и диаграммы. Я снова неловко потянулся к соску, в пухлом пилотажном костюме двигаться было привычно неудобно. Сделал глоток, другой. Вкус воды изменился. Щёлочи стало больше, а ещё горчили витамины и морозили нёбо стимуляторы.

Искин ждал неприятностей.

«Просто ангел, конечно», — сказал альтер иронично.

— Синий-два, нахожусь на траектории, есть радиокontakt, — сказал я. — Предположительно ангел, движется расходящимся курсом двенадцать градусов, выше меня на семь тысяч километров...

— Синий-три, контакт подтверждаю, — отозвался Джей.

— Синий-четыре, веду поиск. — Голос Хелен едва пробился сквозь помехи и был отфильтрован искином до полной потери интонации. Её «пчела» шла над атмосферным вихрем, который в радиодиапазоне гремел, как Большое Красное пятно.

— Синий-один, — пробился старший звена. — Тишина в эфире. Синий-три, ты ближе всех, доклад.

Секунд десять в эфире висела тишина. Всё это время я искал взглядом ангела. Наконец заметил крошечную белую точку в перекрестье координатной сетки. У меня чуть-чуть отлегло. Ангел был один, и, судя по мельтешению крыл, — серафим.

Кто рискнёт напасть на серафима, тем более летящего в одиночку?

Вряд ли мы тут понадобится.

Датчик простучал: «Ту-дух, ту-дух, ту-дух».

— Грузёный... — донеслось от кого-то из звена.

Я бросил выделяться и вывел на колпак увеличенное изображение.

Серафим плыл величаво, как все серафимы в свободном полёте. Теперь я видел его трассу, спроецированную на колпак искином, — серафим появился у южного полюса Юпитера, где к нему подцепился грузовой конвой. Конвой — семь шарообразных кораблей, каждый диаметром в семнадцать километров, — плыл за ним, будто голавстики за огромной лягухой. Плазменные хвосты — выхлопы из маршевых двигателей — болтались за каждым шаром километров на тридцать. У серафима никаких видимых движителей не было. Ну, разве что два гигантских расправленных крыла, слегка подрагивающих на краях. Вторая пара крыльев прижималась к телу. Ещё два крыла были сложены впереди, прикрывая головную

часть. С кромки крыльев то и дело срывались плазменные сгустки, но они разлетались во все стороны, так что явно не имели отношения к движению.

Если есть что красивее и страшнее Юпитера — так это серафим с конвоем, летящий над Юпитером к точке перехода.

— Синий-один — серафиму, — раздалось в эфире. — От лица человечества почтительно приветствуем высоко-го гостя.

Серафим, разумеется, не ответил. И хорошо. Я бы обделался, прозвучи ответ, а мне ещё семь часов болтаться в космосе...

«Давай-давай, вали быстрее, шестикрылый», — произнёс в голове альтер без малейшей почтительности.

По форме, конечно, я его не одобряю. А вот по содержанию согласен полностью. Ещё десять минут — и серафим с конвоем покинет нашу зону.

«Бом-бом-бом, — тревожно пропел датчик. — Бом-бом, бом-бом-бом».

Всё стало понятно всем и сразу.

Никто не орал, никто не ругался, и даже Паоло не принялся командовать. Мы все знали, что делать.

И что будет — тоже знали.

— Искин, щенов, — скомандовал я, пусть это и было лишним.

Слова полезны, слова мешают думать.

«Пчела» вздрогнула, когда искин выпустил четыре автономных бота. Кормовые двигатели запели громче, переходя в форсаж, индикаторы радиации сдвинулись в жёлтое. Боты радостно носились вокруг «пчелы», осматриваясь.

— Есть контакт, — сообщила Хелен. — Идентификация... Падший престол... опознан как Соннелон. Выныр-

нул из облаков, двадцать четыре к северу... Идёт на перехват, один.

Я выдохнул.

Серафим размажет престола, уверен. Но мы в их титанической битве даже на мошкару не тянем. Так что будем болтаться за конвоем, наблюдать, излучений нахватаемся, но выживем. Возможно. Глупый наглый падший престол...

— Смена данных! — Хелен будто взвизгнула. — За престолом следуют два господства! И с ними стая вонючек, до сорока единиц! Идут прямо на меня.

Внутри меня что-то ухнуло вниз и затрепетало.

Вонючки — это как раз для нас. Для патрульных. С десятком мы бы справились. Может, с парой десятков... но сорок!.. И два господства... в отличие от высших чинов, они не упустят возможности отвлечься на людей...

— Сбрасываю боты, — тем временем докладывала Хелен. — Веду огонь...

Я закрыл глаза и попытался представить Хелен. Она жила в женской общаге, на третьем или четвёртом уровне. Однажды после патруля мы немного потискались с ней в душе, но, конечно, ничем это не кончилось, да и не могло... Ещё мой альтер любил над ней поглумиться, а её альтер, Эйр, похоже, насмехалась надо мной.

Сейчас её «пчела» пыталась уйти от накатывающей смертоносной лавины. Щены мельтешат между ней и врагом, пытаясь сбить ракеты, крошечный истребитель идёт на форсаже — пылинка в мире титанов...

— Не успеваю. — Голос Хелен прозвучал очень чисто и ясно. — Попытаюсь добраться до господства, ударить в управляющий узел. Пожалуйста, если кто-то выжи...

Связь оборвалась.

Мы — трое оставшихся — молчали. «Пчёлы» мчались к конвою, именно по нему ударят вонючки. Жирная

и почти беззащитная добыча, которую мы попытаемся защитить.

Втроём. Ха-ха.

«Теоретически шансы выжить есть всегда», — сказал альтер.

Я глянул на индикатор. Середина жёлтой зоны. За спиной реактор в форсажном режиме, мы мчим на прямую, не выбирая безопасных проходов в магнитосфере Юпитера.

Раньше, чем закончится бой, наши тушки получат смертельную дозу радиации.

«Славик, мне очень жаль, — сказал альтер. — Но мы ведь вместе? До конца».

— Конечно, — сказал я, глядя на серафима. Тот пробуждался от дрёмы. Расправлялось тело, сверкая кристаллической бронёй, гневно вытягивались и трепетали крылья. Для нас падший престол был ещё не виден, но серафим его чувал. Пространство дрожало от закипающей ярости.

— Синий-три, — сказал Джей. — Вижу престола. Подтверждаю, это Соннелон! У него странная... хрень... фиолетовая... между ободами... будто застывший разряд...

Он не успел договорить — серафим окончательно перешёл в боевую форму и метнул сквозь миллионы километров пространства разряд энергии. Сияющее белое копье пронзило космос, вспыхнув ярче тысячи солнц. Прозрачный колпак кабины потемнел, но я всё равно заорал, ощущая жар на лице. Перед глазами сияло, хоть разряд давно уже затих, я дёргался, на ощупь нашёл сосок и принялся глотать насыщенную обезболом воду. У неё уже и вкуса воды-то не было, сплошь химия. Потом зрение немного вернулось, и я увидел повсюду брызги крови — моё лицо превратилось в сплошной ожог.

Говорили мне, что фотоблок может не успеть отработать, а я не верил...

Но истребитель ещё жил, «пчела» переключилась на ручной режим, как только радиация сожгла электронику и убила искина. Простейшие цепи, простейшие действия.

То немного, ради чего люди и нужны в космосе, внутри куска умного металла.

Я подёргал руками, стабилизируя «пчелу». Боты не то унесло близкой вспышкой, не то выжгло органическую составляющую. Так... что осталось... «шквал» не отвечает, эрзетка тоже молчит... значит, я без кинетики. Фтороводородный лазер? Но вонючки хорошо держат все виды излучений. Есть одна ракета с термоядерной боеголовкой, она и меня окончательно угробит, но индикатор и так глубоко в красной зоне...

С чего вдруг серафим принялся палить на таком расстоянии?

Зачем?

Он же не только нас снёс, что мы ему, жалкие человечки, он спалил конвой! Сквозь просветлевшую броню я видел семь полыхающих крошечных солнц, семь гружённых сжатым водородом кораблей. Немалый груз! И серафим сжёг всё своим ударом!

Шестикрылый великан парил над Юпитером в окружении плазменных сгустков и будто всматривался вдаль. Ждал ответа от падшего престола?

«Пчелу» по инерции несло всё ближе и ближе к серафиму.

— Синий-два, — сказал я. Аварийный передатчик должен сейчас работать на полной мощности. Может, кто и услышал. — Звену крышка. Серафим ударил по престолу, нас накрыло вторичкой. Боеспособность сохранена минимально... исполняю долг.

Ответа не было. Может, и Паоло мёртв.

«Только не плачь, — сказал Боря. — Ты не маленький».

— Да хрен я заплачу! — прошептал я распухшими губами. — Нетушки...

«А давай по серафиму засадим? — предложил Боря. — Ему всё равно, а нам развлечение».

Я даже задумался, нет ли в этом смысла.

Но тут серафим взмахнул крылом, и над ним начал концентрироваться ещё один разряд. Я понял, что на этом всё закончится, и просто расслабился, чуть развернув истребитель, чтобы смотреть было удобнее.

Серафим почти нанёс удар.

Почти.

Полыхнуло фиолетовым. И я, как ни странно, успел подумать, что это та самая «фиолетовая хрень», о которой успел доложить Джей.

Потом, конечно же, умер.

К то ангелов видел — в Бога не верит.

А вот в воскресение плоти — запросто.

Я ощутил своё тело. Неожиданно увидел свет. Это что, тот самый «свет в конце туннеля»? Что-то услышал — звук, обрывок ноты...

Свет исчез. Так быстро, что я даже не успел ничего осознать.

Да что не так!

«Боря!»

«Я думаю, — ответил Боря серьёзно. Добавил очевидное: — Что-то не так».

И тут я снова осознал себя, ощутил тело, с всхлипом всосал прохладный, лишённый запахов, тысячи раз прошедший рециркуляцию воздух.

Открыл глаза.

Низкий потолок был покрашен в голубой цвет. Кое-где краска облупилась и виднелся металл. В воздухе висел гул — лёгкий, почти неосязаемый. За долгие годы он стал настолько привычным, что я замечаю его лишь после гибели.

«Сбой какой-то был?» — спросил я Борю. Мысленно, конечно.

Боря не ответил.

Я собрался и осторожно сел на кушетке. Отцепил от груди гроздь датчиков. Комната была маленькая, почти

пустая. Дверь в коридор, дверь в сортир и душевую, стул, моя кушетка, а рядом — пластиковый контейнер с прозрачной крышкой, размером с большой гроб.

Гробом он на данный момент и являлся.

За контейнером была ещё одна дверь, пошире, сейчас закрытая.

Одежда и грузилово лежали в ногах кушетки, я был совершенно голым, но одеваться не спешил. Посидел, сжимая и разжимая кулаки, ощупал лицо. Разумеется (никогда не удержишься), посмотрел ниже пояса. Потом глянул на свою левую пятку, поспешил палец и потёр краску.

Дверь в коридор открылась.

— Святик Морозов!

Инесса Михайловна — единственная, кто зовёт меня Святиком.

— Здравсте, — сказал я, безуспешно постаравшись придать голосу побольше солидности.

Психологу нашего второго крыла (семь эскадрилий по четыре «пчелы», эскадрилья из трёх «ос» и командирский «шершень») за сорок лет. Она симпатичная, с копной светлых волос, с мягким улыбчивым лицом. Пухлая, на Земле ей было бы тяжеловато.

Но здесь, на Каллисто, Инесса весит килограммов десять и порхает, будто бабочка. Грузилово она не носит принципиально.

Инесса села рядом и ласково обняла меня.

— Как ты, Святик?

— Первый раз, что ли... — буркнул я.

— Правда — серафим? — понизив голос, спросила она.

— Серафим с конвоем. А на него престол и два господства.

Про вонючек я даже упоминать не стал. Несolidно.

— Обалдеть! — сказала Инесса, широко открывая глаза. — Какие же вы герои!

— Угу, — согласился я. — Но я бы предпочёл ещё год-другой не умирать.

Она не стала делать вид, что не понимает.

— Всё будет, всё успеется, Святик... Ничего не болит?

Я покачал головой. Ничего и впрямь не болело. Да и с чего бы?

— Есть хочешь?

— Помоюсь, пойду в столовку. Все вернулись?

Инесса Михайловна кивнула. Потрепала меня по голове.

— Как твой Боря?

— Нудит, — ответил я как обычно.

Психолог двумя лёгкими шагами перенеслась к двери. Габариты у неё внушительные, но она на Калисто восемь лет, как и я. Так что к низкой гравитации адаптировалась великолепно.

Уже открывая дверь, она чуть обернулась и спросила:

— Кстати... всё прошло как обычно?

«Да!» — внезапно прорезался Боря.

— Это всегда необычно, — ответил я. — Ну да, как всегда!

Инесса стояла в дверях, придерживаясь за косяк, чтобы не унесло в коридор неловким движением.

«Будь очень, очень осторожен», — шепнул Боря.

«Да что такое?»

«Пока не знаю. Давай, тупи, у тебя хорошо получается!»

— Тебя не смущает, что ты только что умер, Святослав?

— В очередной раз. Я же воскрес!

Инесса Михайловна развернулась, легко, как балерина.

— Но ведь если разобраться, Святослав, ты — копия.

— Копия копии, — поправил я. — Какая разница? Тело — это тело. Главное, разум! Тело поменять — как трусы переодеть.

Психолог улыбнулась. В уголках глаз собрались лучики-морщинки.

— Но ведь существование прерывается. Вдруг ты что-то потерял, упустил? Квантовая запутанность не гарантирует абсолютной точности.

— Ой, Инесса Михайловна, не грузите! — взмолился я. — А вы ничего не упускаете, всё помните? А вы не меняетесь? Вы вчерашняя — уже не вы сегодняшняя! Ну даже если я забуду несколько секунд, что с того. Это всё пустая философия, игры ума и софизмы!

Она ещё мгновение колебалась, глядя на меня. И я добавил:

— Всякая плоть — трава, и красота её — как цветок полевой. Куда лучше так, чем рассыпаться в вакууме!

Психолог кивнула.

— Ты умничка, Святик. Я подпишу протокол соответствия. Но — неделя отдыха! Никаких вылетов! И полный допуск на развлечения.

— Круто, — согласился я. — Хоть днюху отмечу по-человечески.

— Сколько тебе стукнет? — спросила она, будто не знала.

— Двадцать.

— Подумаю о подарке, — сказала Инесса и выпорхнула, добавив напоследок: — Навешу Джея!

Я посидел ещё немного. Потом встал, шагнул к контейнеру и заглянул внутрь сквозь прозрачную крышку.

На голубенькой синтетической простыне лежал, погружённый в глубокий сон, мальчишка лет двенадцати.

Это было как смотреться в зеркало. Как наблюдать за Юпитером или разъярённым серафимом. Красиво и страшно.

Я смотрел на тощее голое тело, которое станет моим, когда я снова умру. На своего клона, связанного со мной квантовой запутанностью, технологией, подаренной Ангельской иерархией.

Клон был совсем дитячий, как и я теперь. А ведь я не умирал два года! Чёрт побери, моё прежнее тело доросло до четырнадцати и у меня появилась масса новых интересов! Но они уже подёрнулись дымкой, стали казаться глупыми и ненужными.

Я открыл крышку контейнера. Тревожно пискнул датчик. Ничего, все знают обычаи пилотов. Маркер я достал из-за контейнера, он был приклеен кусочком скотча. Снял колпачок и написал на пятке клона цифру семь. Потом ущипнул клона за ухо — на удачу.

Шестёрка на моей собственной пятке хоть и выцвела от времени, но была видна. Сейчас я пойду в душ и буду долго тереть её мочалкой.

База на Каллисто — единственная в системе Юпитера. Зато она большая, под стать газовому гиганту. Три крыла по тридцать семь пилотов — больше сотни лётчиков. Восемьдесят учёных. Сотня с лишним человек обслуживающего персонала. Сотня морских пехотинцев — не знаю, зачем они тут, море на Каллисто глубоко под поверхностью, а пехота тоже не нужна. В общем, набирается четыре с половиной сотни людей, живущих в центре Вальхаллы — огромного кратера на севере Каллисто.

Когда-то сюда упал гигантский метеорит, создав целую серию концентрических колец — грунт расплескался, да так и застыл гребнями, будто круги на воде от брошенного камня. Центральный кратер немаленький,

триста километров в диаметре, и с высоты Вальхалла смотрится красиво, но никаких особых преимуществ у этого места нет.

Я думаю, что место выбрали исключительно из-за названия. На Каллисто есть ещё одна такая структура, Асгард, но Асгард — это город богов.

А мы не боги, мы воины.

Вот только, умирая и возрождаясь в Вальхалле, не садимся беспробудно бухать и трахаться с валькириями (ха-ха, попробуйте-ка этим заняться в теле ребёнка), а снова и снова идём в бой.

Базу на Каллисто (как и лунную, и марсианскую, и базу на Титане, спутнике Сатурна) людям подарила Ангельская иерархия. Вместе с кучей научных данных, вместе с методикой клонирования, вместе с технологией квантовой связанности сознания. На Луне люди потом построили целый город, куда больше размером. Но на Землю демоническая иерархия не нападает, да и охраняют её ангелы — по слухам, где-то в пространстве постоянно витает херувим. К Марсу демоны тоже совались всего пару раз, так что там курорт.

А вот Юпитер и Сатурн — планеты, за которые постоянно идёт схватка.

Я бы предпочёл жить и сражаться возле Сатурна.

Во-первых, у Сатурна кольца, и это красиво!

Во-вторых, на Титане есть нормальная атмосфера. Очень холодно, нет кислорода, но всё равно можно ходить без герметичного скафандра!

В-третьих... ну, наверное, ещё раз кольца.

А так всё то же. Такая же база. Такие же корабли. Такая же работа.

Никакие «пчёлы» и «осы» не позволят нам доставить неудобства высшим чинам демонической иерархии. Но всякую мелочь, вроде рядовых падших, мы можем свя-

зять боем, а при большой удаче и толпой — даже победить средний чин. Временно, конечно.

Но подобно тому, как у Ангельской иерархии есть мы, люди, а где-то в других мирах — иные подопечные, у демонической иерархии есть порабощённые, проклятые существа из других миров. В Солнечной системе демонов обычно сопровождают вонючки и мохнатки.

Вот с ними-то мы и сражаемся на равных. Это наша зона ответственности.

Я помылся в душе — долго, не экономя воду. С водой на Каллисто всё нормально, к тому же у нас хорошие системы очистки и рециркуляции. Оттёр начисто число «шесть» на пятке. Хорошо помню, как писал его два года назад.

А до того — писал цифры четыре, три и два...

Потом я постоял у зеркала, печально разглядывая себя. Ну, понятно, на чём сосредоточилась моя печаль. В итоге я натянул трусы, надел форму — новенькую, только к ней кто-то уже успел приклеить нашивку всё с той же цифрой шесть и добавить шеврон старшего лейтенанта. Если вдуматься, это могли сделать и заранее, но всё равно приятно.

Поверх брюк я надел кольца утяжелителей, или попросту «грузилово». Иначе я весил бы всего пять кило, а это уже совсем неудобно. Ботинки тоже были на свинцовой подошве, покрытой рубчатым пластиком.

В таком виде я и вышел из своего бокса в медицинский блок. Клонарня соседствовала с медблоком, а боксы для воскрешения были как бы на границе между клон-мастерами и врачами, между жизнью и смертью.

Вопросами и проверками меня не терзали. Тело клона номер шесть и так находилось под заботливым приглядом до самого моего воскрешения. Большинство

врачей я прекрасно знал и был с ними в хороших отношениях.

— Ну хотя бы мы справились с прыщами! — попытался ободрить меня доктор Макото. Он наш терапевт, большой специалист по детским болезням.

— Ага, — скривился я. — Прощайте и снова здравствуйте...

По опыту я знал, что прыщи полезут через полгода, если доживу. И ничего этот факт не отменит, ни умывания лосьонами, ни строгая диета. Выскочит вначале прыщ посреди лба, а потом как попрут...

Хенрик — наш кардиолог, которого я терпеть не мог, — дружелюбно помахал рукой, достал из кармана леденец и жестом предложил мне.

— Отвали, извращенец, — ответил я как всегда.

Хенрик заржал и бросил леденец себе в рот. Сволочь, ну знает же, как пилоты реагируют, если к ним относятся как к детям! Нам всем по двадцать, мы все провели на Каллисто восемь лет. Нечего насмехаться!

У дежурной сестры я получил свой коммуникатор. Его принесли из ангара, как только стало понятно, что синяя эскадрилья второго крыла погибла. Я застегнул браслет, бросил быстрый взгляд на экран. Да, крошечная царапина в уголке осталась.

Приятно, когда что-то материальное связывает тебя с прошлым «я». Хотя бы комм.

«К собачкам заглянем?» — предложил Боря.

— А то, — буркнул я.

Щены сражаются и умирают вместе с нами. В ситуации, когда любая электроника может отказать в любой момент, даже наши боты — пилотируемые.

Я свернул в ветеринарный отсек, приложил комм к двери, чтобы пропустила, зашёл на псарню, поздоро-

вался с дежурным зоотехником и двинулся вдоль рядов с просторными клетками.

Начался переполох. Щены визжали, лаяли и тыкались носами в решётки. Пришлось перегладить всех, прежде чем я открыл вольер со своей четвёркой и выпустил Лайку, Белку, Стрелку и Уголька.

Потом я минут десять валялся на полу, пока щены меня вылизывали, лаяли и по-своему пытались рассказать, как всё было. Щены у нас тоже многоразовые, как и мы. Тоже с квантовой связанностью сознаний и запахом клонов. Они гибнут куда чаще, чем люди, а натренировать собаку, чтобы она способна была пилотировать бот, атаковать и защищать «пчелу», — та ещё задача. Проще воскрешать погибших.

Пробовали, конечно, и других животных. От мышей и белок до волков и тигров. Неплохо получалось у кошек, это все признают, вот только в бою кошка свалит в любой момент, а собака будет биться за тебя до конца. Так что у нас — щены. Маленькие многоразовые герои в крошечных боевых кораблях.

Наконец мы с щенами нацеловались, я пообещал на днях забрать их к себе и оставить на всю ночь. Только после этого щены с меня слезли и даже сами забрались в вольер.

На Калисто и такса способна допрыгнуть до потолка, что уж говорить о тощих дворняжках.

После псарни настроение у меня стало лучше. Когда видишь, что не только ты воскрес из мёртвых, то начинаешь относиться к жизни и смерти проще. Может, псарню специально разместили рядом с медблоком и клонарней? Психологи — народ коварный, не упустят возможности забраться тебе в мозги.

Час был ранний, большинство пилотов и персонала ещё спали. Я пошёл в пилотскую столовую, это минус четвёртый уровень. В теории тут могли собраться все сто одиннадцать человек лётного состава, да ещё инструкторам и гостям место бы осталось. К нам порой прилетают с других баз — для обмена опытом, для слаживания, просто для развлечения.

Но сейчас почти все пилоты либо спали, либо были в патрулях. Инструкторы наверняка собрались в штабе, всё-таки ситуация сложилась интересная. Только в дальнем краю, у аквариумов с декоративными рыбками, сидело две четвёрки из третьего крыла, красная и оранжевая. Пилоты завтракали, что-то обсуждая.

Я прекрасно знал что.

При моём появлении разговоры прекратились. Мне отсалютовали. Я помахал в ответ и пошёл к раздаче.

К тем, кто только что вернулся, не принято подходить первыми. И это правильно.

Болван на раздаче выдал мне поднос с обязательным питанием. Сегодня это был омлет, белый хлеб и апельсиновый сок. Я докинул круассан с шоколадом, йогурт и порцию мороженого.

Дурацкий дитячий организм хотел сладенького.

Сев поодаль от пилотов третьего крыла, я принялся за омлет, поглядывая на ближайший экран. Там, разумеется, рассказывали о происшествии. Плыла вниз экрана надпись о героическом сражении синей эскадрильи. Мелькали кадры с атакой серафима. Его пока так и не идентифицировали.

И что случилось после нашей гибели — было непонятно. Отбилс серафим, был ли уничтожен престол и господства?

Ребята кончили завтракать и пошли к выходу. Оранжевая эскадрилья была совсем взрослая и ровненькая —

всем тушкам по восемнадцать-девятнадцать лет. Я не видел сейчас номерных нашивок, но знал, что на каждой, кроме их командира Вонга, цифра два. Вонг умирал пять раз.

Красная была разновозрастная. Их ведущим была девчонка по имени Хаюн. Я её помнил семнадцатилетней, но недавно она погибла, прикрывая свою группу. Сейчас, выходит, её телу двенадцать с хвостиком.

Можно, скажу честно?

Она не особо-то изменилась.

Второму и третьему номерам по четырнадцать-пятнадцать. Четвёртый постарше.

Когда все пилоты собираются вместе, что бывает нечасто, конечно, то выглядит это будто школьное собрание. Это я теоретически предполагаю. Никто из нас в настоящей школе не учился.

Я доел мороженое, кивнул болвану (тот высветил на белом пластиковом лице улыбку) и пошёл в свою каюту.

Пусть тушки каждый раз одинаковые, но привыкать к ним всё равно приходится. Как к новой одежде, пусть она и твоего размера, и рубашка точь-в-точь как старая, и брюки такие же... Но старая одежда успела обноситься по тебе, ты к ней привык.

А новое тело ещё не привыкло к старому сознанию.

К тому же сейчас я весил всего тридцать девять килограммов (это если на Земле) и роста во мне было сто сантиметров. Проверять не обязательно, все клоны одинаковы.

В двенадцать лет я был тощим и маленьким. К четырнадцати набрал пятьдесят четыре кило и вырос до ста шестидесяти пяти сантиметров. Нормальный пубертат, жрал в три горла и тянулся вверх...

Но сейчас все эти килограммы и сантиметры превратились в пыль и элементарные частицы на орбите Юпа. А я снова был худым и невысоким дитятей. Меня ждали прыщи, поллюции, обидчивость и плаксивость не по делу.

«Хватит себя жалеть, — сказал Боря. — У меня вообще нет тела — и ничего, не ною».

«Ты не ноешь, ты нудишь», — отрезал я.

«Потому, что ты захотел такого альтера».

— Ха-ха, — сказал я, потому что шёл по коридору и рядом никого не было. — Вот уж нет. Я хотел весёлого и оптимистичного приятеля для игр.

«Тогда я бы таким и стал. Не ной. У нас проблемы по-серьёзнее».

Я насторожился. Боря такими словами не разбрасывался.

«Помнишь вспышку после смерти и перед воскрешением?»

«Угу, — ответил я. — Ну не то чтобы вспышку... свет...»

«Вот!» — таинственно прошептал Боря и замолчал.

Если он надеялся, что я начну его расспрашивать, то зря. Я устал. Мы были в патруле тридцать два часа, спал я мало и тревожно, так что сейчас мне хотелось прыгнуть в койку и поспать до вечера. Пусть темнит, сам не выдержит и всё расскажет.

Но на жилом этаже меня ждали. Полковник Уильямс и с ним двое морпехов. У меня глаза на лоб полезли. Что им тут делать, на этаже пилотов? Я что, накосячил в патруле и теперь меня арестовывать пришли?

С другой стороны, полковник был в парадке, а морпехи выглядели заинтригованными, но дружелюбными.

— Полковник Уильямс, — щёлкнув каблуками о пол, сказал я и остановился.

— Старший лейтенант Морозов, — произнёс полковник и приложил руку к фуражке. Собственно говоря, он не был обязан отдавать мне честь, я ведь сейчас в отпуске. Так что я принял его салют как хороший знак. — Как ты, сынок?

От Уильямса «сынок» звучало не оскорбительно. Ему под шестьдесят, он ко всем так обращается, если в духе.

— Нормально, сэр, — расслабляясь, ответил я. — Бывает. Попали в замес, сэр.

Полковник кивнул. У него нет клонов, если Уильямс умрёт — то навсегда, и все полученные бэры откладываются в его чёрном теле навсегда. И всё же он несколько раз летал в патрули — в «жуке», конечно, не пилотом, чтобы понять, как это — патрулировать в космосе у Юпитера.

В общем, нормальный дядька.

— Устал?

Я пожал плечами.

— Можно тебя отвлечь на некоторое время?

Совсем странно!

— Конечно, сэр.

Полковник положил руку мне на плечо, склонился и тихо, доверительно произнёс:

— Через полчаса на базу прибывает ангел. Он попросил дать ему возможность приватного разговора с пилотом, который был ближе всех к серафиму.

«Ох...» — сказал Боря.

— А это я?

— Либо ты, либо Джей, — кивнул Уильямс. — Может быть, даже Джей оказался чуть ближе.

Он улыбнулся уголками губ и сразу посерьёзней.

— Но у лейтенанта Робинса нервный срыв. Мне бы не хотелось терять лицо перед высоким гостем.

Я кивнул.

— Понимаю, сэр. Конечно. Я готов. Если будет время выпить кофе...

— Организуем. — Уильямс похлопал меня по спине, убрал руку. — Извините за фамильярность, старший лейтенант.

— Нормально, — сказал я. — Сам себя дитятей ощущаю. Главное — в угол не ставьте.

2

Конечно же, ангел мог бы появиться сразу внутри базы. Говорят, три года назад, когда была большая драка над Красным Пятном, так и случилось.

Но в этот раз ангел пришёл через вторую взлётку. Опустился на Каллисто в белом сиянии, возникнув на радарх в семи километрах над поверхностью. Вошёл в ангар, дождавшись, чтобы ему открыли шлюз. Сбросил нимб, только когда шлюз наполнили воздухом.

В общем — вёл себя как очень вежливый гость.

Я сидел в кабинете полковника Уильямса. Не знаю уж, почему контакт с ангелом поручили именно ему, а не штатному дипломату Израэлю или главнокомандующему Хуэй Фэну. Не моего ума дело. Так что я сидел скромно на диванчике, пил остывший кофе из кружки самого полковника и болтал ногами. На кружке было написано «West Point 2029», видимо, год окончания академии полковником. Всё-таки он реально старенький, окончил академию за два года до первого появления ангелов.

Людей со мной в кабинете не было, только болван — то ли прислуживать, то ли присматривать. Но вторая кружка крепкого кофе мою хилую тушку слишком бы вштырила, а копаться в бумагах и компе полковника я, конечно, не собирался. Так что я цедил кофе и смо-